

Гала УЗРЮТОВА родилась в 1983 году в Ульяновске. Пишет стихи, прозу, пьесы. Окончила Ульяновский государственный университет. Участник Всероссийских Форумов молодых писателей в Липках. Дипломант Международного Волошинского конкурса. Автор сборника стихов «Обернулся, а там – лес» (Москва, 2015). Лауреат областного литературного конкурса «Первая роса». Лауреат поэтической премии имени Николая Благова.

ЖУЖЕЛ

Тополь упал быстро, прорубив в старом заборе рваную рану.

– Че так рано звоню-то! У вас тополь в деревне упал, весь забор помял! Да, утром! Сегодня, да! Мужики вон смотреть пошли! Как? Да че ты такое говоришь, Оля? А ма! Горе какое! Господи! Вот тополь и упал! Это же он его сажал-то! Он! Да, в детстве еще! Говорят же, нельзя сажать тополя! Горе какое! Мы приедем, приедем, да! Держитесь, Оля... Господи...

* * *

– Сева, иди помоги на стол накрыть. Сейчас уже все придут поминать.

– Щас, мам!

– Мало времени, давай быстрее.

– Да щас!

– Еще за Каретниковыми надо сходить, они не знают. Позвать надо.

– Щас!

– Да где ты там ходишь?!

– На пасеке – где!

– Сева! Мы его ждем, а он там бродит, – из-за высокой травы на пасеке Сева видел только шею и лицо матери.

– Мам, а ты не знаешь, где сетка, батя которую мне дарил?

– Не слышу!

– Иди сюда!

– Ну, пришла. Ты когда нам поможешь со столом?

– Погоди. Сетку не видела, батя которую дарил?

– Какую сетку?

– Ну, к пчелам чтоб лезть.

– Сейчас она тебе зачем? Люди скоро на поминки придут!

– Надо.

– Некогда, пошли в дом, пошли!

– Мне сейчас надо!

– Пошли уже!

– Мам, а ключи от омшаника не знаешь где?

– Знаю. Зачем тебе?

– Дай, а.

– Да что тебе сейчас-то приспичило? Пошли давай!

– Дай сейчас! Ну, куда ты ушла, мам?!

– За ключами ходила! На! В сумке у отца нашла.

– Спасибо.

– Чего делать-то собрался?

– Щас.

Сева пошел к омшанику, раздвигая траву высокими отцовскими сапогами. В детстве, когда он приезжал сюда, в деревню к деду, даже не представлял, что пасека – это настолько сложно. Ему казалось, что эти цветущие столпы и поляны живут какой-то своей жизнью, неподвластной человеку. И что лучше туда даже не соваться, а то можно что-то испортить. Дед ему тогда говорил: ты, Сева, смотри, на пасеку один не ходи. А когда внук спрашивал, почему да почему,

тот отвечал: рано тебе еще одному по пасеке ходить. Один раз, когда дед и бабушка спали после обеда, он все-таки зашел на пасеку и заплыл в самую ее глубину. Некоторые цветы и кусты были выше его роста, а другие доносились до пояса.

Даже повзрослев, Сева вспоминал, как ему тогда было страшно. И не только потому, что дед сделал пасеку какой-то тайной, из-за чего внук населил ее жуткими существами, но и потому, что она оказалась не такой, какой он ее представлял.

Издали пасека казалась тихим местом, противоположностью всего происходящего вокруг с его дорогами, голосами и пылью. Когда же он туда попал, то ощутил совсем другую пасеку – гудящую, шатающуюся и сильную. На него обрушился целый рой звуков – гул пчел, других насекомых, перекатывающихся от ветра растений, птиц и ставших более громкими собственных движений. Сев посреди пасеки на колени, он долго вслушивался в заросли шумов и будто прятался от них, стараясь пригнуться все ниже и ниже, чтобы его не было заметно. С этого момента мальчик уже принадлежал новому миру, где мухи качаются в паутине, как высохшее бельё во дворе. Очнулся он только от проснувшегося дедового голоса.

Потом на пасеку Севу не пускал отец, берег сына от укусов. А потом он сам перестал сюда приезжать. Как-то отец приехал в город и зашел к нему в гости. Попил чай, засобирался уходить, встал у двери, засмотрелся в невидимое и после долгого молчания продышал:

– Зря я, наверное, пасеку оставил, Сев.

– Это почему это? – удивился он.

– Ну, как же. Вот не станет меня, и никто туда ездить не будет. Пошто все это я, пошто.

Он проводил отца и заплакал, наблюдая через окно пятого этажа, как тот отдаляется от дома своей осторожной, привыкшей бережно раздвигать ногами цветы, походкой. В квартире еще несколько часов гулял аромат меда, который отец привез с пасеки. Сейчас об этом напоминают пустые ульи, краска с которых почти стерлась, но еще можно догадаться, какой из них был голубым, какой – зеленым, а какой – коричневым. Они уже превратились в цветы, которые стали частью сада и были единственными, что цвели даже зимой.

Теперь не пустить Севу на пасеку было уже некомму.

– Сева, ты чего там делаешь? Ты же не знаешь ничего! Не лезь! – кричит мать.

– Выставить «Жужел» надо.

– Чего?

– «Жужел». Улей батин любимый, – сглотнул Сева, пробираясь в открывшийся омшаник, встретивший его холодом и сыростью.

– Сева, давай потом. Ты же не умеешь! Покусают тебя! Потом дядю Костю попросим, он тебе все покажет, он знает! Сейчас люди придут, поминки.

– Тяжелый, блин, – закричал Сева, пытаясь вынести голубой обшарпанный улей с табличкой «Жужел» на свет.

– Да что же это такое, а!

– Мам, помоги лучше! Скорей! Вот здесь держи, здесь! Давай туда, туда ставим, вон его место, вон! Осторожно!

«Жужел» вернулся на свое место в центре пасеки под размашистой яблоней, ожидая, когда хозяин выпустит всех в весну.

– Вот он – «Жужел», – Сева, сидя на корточках, приложил ухо к улью.

– Что-то не слышно ничего, – присоединившись к нему, настороженно прошептала Ольга.

– Да, странно.

– Тихо! Кажется, слышно!

– Нет, ничего.

– Да, не слышно.

Сева вспомнил, как отец рассказывал про этот особый улей: остальные – тихие, а этот жужжит. Всегда залезал в «Жужел» без маски, пчелы из шумного голубого улья его никогда не кусали. Отец говорил, что они даже лица различали и всегда его узнавали, когда смотрели на него всеми пятью глазами. Качая мед, отец приговаривал: чтобы собрать килограмм меда, пчеле надо облететь десять миллионов цветков и тащить добычу в несколько раз больше своего веса. А если для пчелиной семьи нужно, то пчела может продлить свою жизнь в пять раз. В пять раз.

– Всё, Сев, бати нет – и пчелы его погибли. Всё, – встала Ольга.

– Да что ж такое, а! А батя всё говорил, мол, пчелы могут продлевать жизнь, в пять раз! В пять раз! И где?! И папка?! Где папка?! Почему он не продлил свою жизнь? Почему?

Он снова и снова прокручивал, как отец поймал этот рой в лесу: Сева был мальчиком, когда поехал с ним в чащу и удивился сноровке отца, залезающего на высокий дуб. Отца нужно было ждать долго. В воображении сына, наблюдавшего снизу за происходящим на дереве, рос собственный лес со своими ходами и выходами, поворотами и чудовищами. У главного из них вместо ушей были большие лилии. И он мог слышать происходящее только тогда, когда они расцветали и расправляли свои огромные лепестки. А если они сворачивались, то надо было ждать, пока они зацветут заново. В лес можно попасть, только если знаешь, как зовут это чудовище. Назовешь его по имени – оно приходит и открывает дверь в чащу, если, конечно, ты попал в тот период, когда у него распустились уши. А если нет – разворачивайся и уходи, жди, пока оно сможет услышать тебя.

– Ну, иди сюда, не плачь, не плачь, Сев.

– Тихо! Слышишь?

– Что?

– Живые! Они живые!

– Жужжат!

– Ну что, «Жужел», полетим?

– Как? Уже?

– Пора. Батя говорил, давно надо было выпустить. Погоди, Сева, погоди! Сейчас я, сейчас! – убегая в дом, кричала Ольга.

– Ты куда?

– Сейчас! – Ольга забежала в дом и быстро вернулась с большой миской воды и маской-сеткой под мышкой.

– Вот. Папка так делал, когда выпускал. Воды им надо. Надень сетку-то, Сев, надень. Покусает.

– Не покусает. Своих не кусают. Своих в лицо знают.

– Кого своих-то? Они кроме бати никого не признавали, полдеревни покусали.

– Не покусает. Надела? Закрой все там получше. Отойди.

– Там леток надо открыть! Вон там! Ага, этот! Осторожнее, Сев! – за несколько шагов от него волновалась мать. Сева осторожно открыл леток улья и снова прислушался.

– Где же они? Почему не вылетают? Может, правда, погибли, мам?

– Как погибли! Мы же слышали, жужжали они!

Не было слышно ничего, кроме шумящих вдали сосен, чей шорох на той же громкости соединялся с набегающими волнами Волги. Все остальное молчало, хотя казалось, что сможет спасти, если заговорит. Но если тишина начинается, то чтобы ее закончить, кто-то должен произнести хоть слово.

Вдруг еле слышно запульсировал гул. Медленно он раскачивался, не зависел ни от чего, ждал своего выхода.

– Полетели! Полетели! Мам, смотри! – обрадовался заплаканный Сева.

– Отойди, Сева, отойди! Осторожнее!

– Летят! Батя, смотри, летят! Я их выпустил, батя, выпустил!

Пчелы, как будто за месяцы занявшие очередь на вылет, струились из улья, разбрызгиваясь в разные стороны. Скоро их хоровое жужжание стало громче сосен и волн, а затем переросло в неслыханное звуковое облако.

– Сева, отойди, кому говорю!

– Летите! Летите!

Но казалось, что пчелы и не думали улетать, собираясь до осени кружить вокруг Ольги и Севы.

– Чего они не улетают? Почему здесь?

– Уйди оттуда, Сева, уйди!

– Летите же, летите! Они не узнают меня. Они меня не знают. Они батю ищут!

– Сева, уйди, уйди!

Жужжание раздавалось все громче и приближалось, как рев когда-то приносившихся сюда метеоров, напомилавших всей деревне о существовании большой земли.

– Высоко теперь ваш папка, высоко! Летите к нему, летите! Улетайте отсюда!

– Сева, осторожней, Сева! Они на тебя летят, Сева! Ложись! – Ольга подбежала к сыну и толкнула его на землю.

Они закрыли лица руками, а пчелы опускались все ниже, будто выпытывая, где хозяин. Все это казалось самыми бесконечным в мире аэродромом, на котором пчелы приземлялись и взлетали одна за другой. Словно взлетные полосы мать и сын магнитились с землей в надежде, что крылатые их не заметят. Но жужжание внезапно стихло и стало удаляться, по громкости приблизившись к Волге и соснам.

– Улетают, смотри, улетают! – поднялся с земли Сева.

– Отца полетели искать. Отца своего. Где ты наш папка, где ты?

– Они не вернуться, мам.

– Не вернуться.